

Кто-то следил за ним.

Независимо от времени суток, будь он в окружении шумной толпы на окраине города или один в своем ночлеге ночью, кто-то наблюдал за ним, следил за всеми его действиями. Где-то совсем рядом, но в то же время вне поля зрения.

Если проследить это странное ощущение, то оно возникло сразу после того, как Верн сошел с поезда и ступил на землю города три дня назад. Но какое кому-то дело до его визита в Элмхерст? Сотни исследователей и несколько таких же ученых, как он, ежедневно съезжались сюда со всех концов империи на предстоящую ежегодную конференцию в рамках Симпозиума.

Ему еще предстояло выполнить свой гражданский долг и привлечь к делу Королевских служащих, но у него не было никаких веских доказательств, подтверждающих его утверждения, а сидеть взаперти в какой-то комнате под охраной — плохая идея для оплачиваемого отпуска.

Охваченный подозрением, что, возможно, все ученые являются объектами этой слежки, Верн обратился к своим коллегам, тонко расспрашивая их об этом в своих письмах. В ответ они либо совсем не замечали намеков, либо косвенно отрицали наличие подобных событий.

Встряхнув головой, Верн прояснил ситуацию и сосредоточился на передвижении по улицам. Сейчас было не время размышлять о своих бесплодных расследованиях. У Элмхерста были свои прелести, которые нужно было изучить, например, знаменитые тосты в этой кофейне у собора. Он не хотел упускать такой возможности, даже если кто-то будет реализовывать свои вуайеристские наклонности за его счет.

Утреннее солнце поднималось над многочисленными шпилями, отбрасывая золотистый отблеск на невысокие здания, выстроившиеся вдоль улиц этого района. Архитектура зданий была величественной и внушительной, с замысловатыми деталями и богато украшенными фасадами, дополненными высокими потолками и парадными входами.

С наступлением утренней суеты улицы быстро заполнялись людьми, спешащими по своим делам. Мужчины в шляпах и длинных пальто направлялись в офисы и на предприятия, а женщины в приличных платьях и чепцах спешили по тротуарам в магазины и на светские рауты. Гул паровых карет и звон уличных торговцев дополняли городскую суету и шум.

Однако, несмотря на толпу, в городе царил атмосфера официальности и приличия, люди двигались целеустремленно.

Верн был одет в соответствии с эстетикой города — в белую рубашку с высоким воротником, аккуратно заправленную в угольно-серые брюки, подогнанные по фигуре. Поверх рубашки было накинуто расстегнутое черное однобортное пальто с шестью карманами, гладкая ткань которого подчеркивала его стройную фигуру. Чтобы избавиться от монохромных тонов, он также носил золотую цепочку, которая тянулась от пуговицы рубашки к карманному часам, покоящимся в брюках.

Смешавшись с толпой, он двинулся к своей благородной цели, свернул на улицу Кармен — и почувствовал это. Повернувшись влево, он посмотрел прямо на окно второго этажа дома напротив.

В полумраке комнаты что-то зашелестело, затем жалюзи захлопнулись, и он замер, уставившись в закрытое окно, загораживая собой людей, стоявших позади него на пешеходной дорожке.

Почувствовав легкий холодок, он застегнул пальто и быстрым шагом покинул место происшествия. Отойдя на некоторое расстояние от этого места, он достал из кармана блокнот и карандаш и сделал еще одну запись в длинном списке своих предполагаемых встреч с преследователем. Подробно описал все случаи, когда ему удавалось заметить пристальные взгляды.

Их было не так много, и они были такими же неопределенными, как и эта встреча, — случаи, которые он обычно принимал бы за случайность, если бы они не происходили так часто. Простой подсчет записей говорил о тенденции. Либо преследователи либо становились смелее с каждым днем, либо он стал лучше их замечать.

Но, в общем, собор был уже за углом, и его умозаключения могли подождать, пока в желудке не появится что-нибудь. Не то чтобы это случилось с ним впервые.

Пробираясь сквозь толпу, он приблизился к аромату свежеспеченного хлеба, доносившемуся отовсюду, и тут увидел его. Еще один за такой короткий промежуток времени!

В зеркале магазина, расположенного в нескольких шагах позади него, кто-то смотрел прямо на него, едва различимый в море голов и шляп.

“Шанс!”

Ему никогда не удавалось заметить кого-то из них так близко от себя, и он ни за что не собирался упускать такую возможность. Верн лавировал в толпе, стараясь скрыться из поля зрения своего предполагаемого преследователя, и, сделав всего несколько шагов, выскользнул в переулок.

Этот переулок, как и большинство других, был всего лишь задворком, пересекающим две параллельные улицы. Не отрывая взгляда от текущей толпы, он двинулся в обратном направлении. Это был шанс хорошенько рассмотреть преступника и, наконец, привлечь к делу Королевских служителей с вескими доказательствами.

Несколько секунд прошло в диком ожидании, пока толпа людей двигалась вперед, не пропуская человека через небольшой проем. Пока он не перешел и не двинулся прямо мимо входа, утонув в людской толпе. Не очень-то мы проницательны, правда?

Это был худой человек с бледным лицом в поношенной одежде, которая была ему слишком велика. В городе было немало нищих, и ничто в нем не показалось Верну странным. Но как бы то ни было, он был уверен, что с тех пор, как он покинул свое жилище, кто-то не спускал с него глаз, и, скорее всего, это был именно этот парень.

Если не вступать в конфронтацию, Верн сможет провести день лучше, ведь на одного гада, следящего за ним, станет меньше. А еще лучше - обойти его кругом и преследовать с небольшого расстояния, чтобы дать ему почувствовать вкус собственного лекарства и одновременно подтвердить свои подозрения.

Не каждый день удастся поиграть с огнем и при этом не умереть в случайной канаве. Элмхерст был одним из надежных убежищ во время конференции и, вероятно, именно поэтому Верн до сих пор не упал в обморок от нервов, вызванных всем этим испытанием.

В каждом районе, где он бывал, на крышах домов стояли королевские особы, глядящие вниз, как палачи, с блестящим снаряжением и острыми глазами. Только вчера с балкона своей комнаты он видел, как один из этих палачей спустился вниз с веревкой и в мгновение ока отрубил руку какому-то нетерпеливому человеку. Эффективно и точно.

Сформировав точные детали своего спонтанного плана, он с ухмылкой обернулся - и тут же замер. Прямо перед ним стояла высокая фигура, с ног до головы затянутая в черное. Лоб незнакомца скрывала шляпа, а лицо - маска, скрывавшая даже глаза.

Верн немного отступил назад и посмотрел фигуре прямо в глаза. "Вот это да, я облажался. Они что, разозлились, что я на секунду от них сбежал? Они никогда не сталкивались со мной таким образом. Что изменилось?"

— У меня на хвосте целая банда, да? — без промедления спросил Верн спокойным тоном, в то время как его сердце, напротив, билось как сумасшедшее. — Может, прольешь свет на то, почему я так популярен? — продолжил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

"Не может быть, чтобы они напали на меня среди бела дня, когда сотни людей находятся всего в нескольких шагах от меня. Может, мне крикнуть о помощи?"

Он крепко зажмурился и подавил в себе импульсивность, ожидая ответа. Должна же быть какая-то причина. У них были гораздо лучшие возможности, чем эта, чтобы избавиться от него по-тихому.

Прошло несколько секунд, прежде чем фигура зашевелилась, Верн, готовый в любой момент отступить, с вниманием следил за ее движениями.

Человек в черном достал из кармана бумажку, прижал ее к груди Верна и, развернувшись, быстрым шагом пошел прочь.

— Хотя бы скажи, на кого ты работаешь!

Ничего не ответив, фигура вышла из переулочка и направилась направо. Верн поспешил следом, но когда его взору открылась светлая улица, на ней оказалось довольно многолюдно, а фигуры в черном не было видно.

“Страшные ублюдки!”

Это, мягко говоря, расстраивало. Достаточно было крикнуть, что этот человек — вор, и кто-нибудь на улице с радостью выступил бы в роли героя.

Но это было чревато ухудшением отношений с их организацией. И не было никакой гарантии, что фигура выдаст что-то полезное, даже если ему удастся их остановить. Его преследователи наконец-то начали действовать, и он не хотел сжигать мосты, не разобравшись в их позиции по поводу сложившейся ситуации.

Верн обошел собор с тыльной стороны и вышел на улицу Кармен, а затем зашагал к месту назначения. Войдя в кофейню, он пристроился за угловым столиком и заказал тост, который так хотел попробовать не так давно. Без лишних слов он достал бумажку и, нахмурившись, изучил ее содержимое.

“СЛК-307-23. Да прими ты милостивый дар очей, пока не настал час расплаты. ~ Ихарл Баллин”

Верн узнал идентификационный номер библиотечной книги, когда увидел его. Это были просто инициалы автора, раздел и номер полки, а вот что за сообщение и название? Да, он не имел ни малейшего понятия.

“Что это такое? Команда высоко скоординированных шпионов следила за мной 24 часа в сутки, и все это было задумано для того, чтобы напугать меня и передать эту угрозу? Подарок? Это их вариант кнута и пряника? Если я не получу этот ‘дар очей’ в течение какого-то времени, меня постигнет ‘расплата’?”

“То есть они просто убьют меня, если я не подчинюсь и не приму этот дар?” Он как-то умудрился одновременно недооценить и переоценить серьезность ситуации.

Через несколько минут официант принес тарелку со свежеспеченным хлебом, слегка поджаренным до золотисто-коричневого цвета, с маслом, тающим на нем в избытке, и ароматным паром, поднимающимся от тарелки. Верн снял черные перчатки и быстро расправился с тостами.

Утолив аппетит, он достал блокнот и внес в свои записи ключевые моменты последних событий. Это помогло ему привести в порядок мысли.

Мотивация незваных гостей была пока неясна, но сразу привлечь Королевских служителей казалось не самой разумной идеей. Он уже снизил вероятность того, что его убийство было их мотивом, до десяти процентов. Им что-то от него нужно, и если чтение книги поможет ему принять взвешенное решение, он не откажется от этой идеи.

А что, если это были назойливые мудаки, которые испортили ему начало отпуска? Если весы баланса между выгодой и комфортом склонятся в сторону выгоды, он не будет возражать против их предложения.

Однако он не стал бы работать над чем-то незаконным. У него уже был четкий путь к успеху в обучении, и он был на пороге того, чтобы сорвать плоды своего труда.

В то же время объем информации, собранной за три дня, был жалок, и из него мало что можно было сделать. Зато у него появился четкий план действий. “Книгу я могу посмотреть сегодня, а вот насчет имени придется поспрашивать или послать запрос Мастеру”.

Однако в послании был довольно своеобразный выбор слов, говорящий о том, что прочтение этой книги даст ему дар зрения. То есть откроет ему глаза на что-то значительное? В это Верну верилось с трудом.

Как одного из самых молодых учёных, признанного Ковеном за значительный вклад в развитие цивилизации, его уже мало что могло поколебать. Но от знаний нельзя было отказываться, и его преследователи заслуживали того, чтобы за все их старания им дали добро.

Длинный день в библиотеке звучит заманчиво, и в любом случае до начала конференции ему было нечем заняться, кроме прогулок по городу.

Наметив дальнейшие действия, Верн не стал медлить, расплатился тремя кронами и покинул заведение. О том, где находится эта книга, спорить не приходилось.

В Элмхерсте была библиотека, которую нельзя было не посетить даже тем, кто не увлекался книгами. Просто ее красота и архитектура восхвалялись многими как символ превосходной эстетики Ковена. Впрочем, Верну и самому было не до этого.

Архив Элеоноры был одним из самых грандиозных во всей империи, и Верн все равно искал повод, чтобы туда сходить.

Он достал из другого кармана пальто карту города и наметил маршрут к архиву. Судя по карте, ему придется много ходить пешком в час пик и несколько раз уточнять дорогу у местных жителей. Или я могу просто взять карету.

Верн встал на краю тротуара и поднял руку, провожая взглядом всех проезжающих мимо водителей. Рука мгновенно разболелась, и не успел он от скуки достать и продолжить чтение

анализа современного редуктора умножения силы, которым он был увлечен, как шипящий звук усилился и с треском заглох, когда рядом остановилась карета.

— Куда, господин?

— В архив Элеоноры, пожалуйста.

— Я могу высадить вас у моста напротив дома ученого, если вы не против. Оттуда всего несколько минут ходьбы. Видите ли, я не могу пересечь мост, не заплатив пошлину за целый день, — сказал тощий, но хорошо одетый мужчина с учтивой улыбкой.

— Конечно. Сколько стоит проезд?

— Три кроны, восемь пенсов. Обычная цена для такого расстояния.

Верн только кивнул и сел в карету, устроившись в углу напротив пожилой пары. Всего через несколько секунд пейзаж за окнами начал отдаляться, сменяясь тесными улицами и более широкими дорогами, мимо, похоже, ремесленного рынка, затем более узких дорог с жилыми кварталами и, наконец, одного из тех мостов, которыми так славился город.

Этот мост, как и другие, которые он видел раньше, был произведением инженерного искусства. Сверху тянулось множество тонких тросов, а внизу возвышались массивные опоры высотой более тридцати метров. Ширина всего этого сооружения была достаточной для того, чтобы четыре кареты могли проехать бок о бок с одного берега на другой — просторнее, чем на большинстве улиц.

Верн до сих пор испытывал благоговейный трепет, когда видел такой мост. И дело было не в том, что эти мосты оснащены передовыми технологиями, а в том, что они были построены около семисот лет назад.

Почему он это знал? Потому что тот, кто не знал о мостах Элмхерста, наверняка жил под камнем. Из чего бы ни были сделаны эти мосты, они были прочными. Настолько прочным, что даже команда фундаменталистов Хаоса не смогла соскрести с моста больше горсти пыли.

Вид за окном перестал удаляться, когда карета с визгом остановилась. Он без особого изящества выбрался из нее и протянул четыре кроны. Кивнув водителю, он развернулся и зашагал по металлической реликвии в сторону архива.

Вдоль перил тянулись причудливые балюстрады, вырезанные в образах старых богов, а по проводам тянулись причудливые символы, которые, если он правильно разглядел, тянулись до самого верха. Верн достал блокнот и начал записывать эти странности, как любой другой увлеченный гражданин.

Когда узоры стали повторяться, они ему надоели, и он задал себе главный вопрос. Неужели кто-то все еще следит за ним? Он не знал.

По привычке, выработанной за последние три дня, Верн то и дело оглядывался назад, но пока не замечал притаившихся рядом теней.

Не то чтобы ему всегда удавалось их заметить, чаще всего его пугала паранойя и повышенная чувствительность к теням, которых в этом городе почему-то было в избытке.

Кроме того, преследователи никак не могли остаться позади от простой поездки в карете. У него их было немало с тех пор, как он приехал в город, но он ни разу не смог их сбросить.

Однако вся эта цепочка событий вызвала недоумение. “Неужели они действительно хотели передать мне эту записку? Зачем ждать три дня? Неужели они поставили какое-то условие для доставки? На основании какого-то показателя, по которому они меня контролировали?”

Неужели так трудно было назначить встречу и поговорить как изысканные джентльмены? Даже интервью с ним можно было взять, если они хотели проверить его или что-то в этом роде. Он бы все равно согласился бы в обмен на какую-то компенсацию.

“Но должно быть нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Мне не хотелось бы больше недооценивать эту ситуацию”. Он не обладал необходимой информацией, чтобы понять ни их точку зрения, ни то, зачем они все это затеяли. Так что пока он будет делать всё шаг за шагом и справляться с ситуацией на ходу.

И вот, не успев погрузиться в очередной цикл рекурсивных мыслей, как перед ним уже предстал грандиозный архив.

Грандиозная, как самый большой собор, который он видел, библиотека занимала, казалось, целый жилой квартал. Ее крутая скатная крыша, возвышающаяся над головой, была усыпана шпильями, каждый из которых тянулся к небу. Из затейливой кирпичной кладки, украшенной арочными окнами и многочисленными балконами, торчали сложные венчики.

Из окон и с террасы струился фиолетовый свет, скорее всего, от безлампового освещения — недавнего изобретения Руперта Стерлинга, уже повсеместно используемого в большинстве богатых заведений.

“Надеюсь, во время своего выступления на конференции он прояснит технические моменты своей некачественной работы о циклической конденсации. Мы могли бы иметь столько производных на рынке, если бы только они понимали, о чем, черт возьми, идет речь в его работе.”

Шаги Верна стали быстрее, и он остановился у входа. Пять Королевских служителей стояли на

страже — две женщины и трое мужчин, их снаряжение поблескивало в солнечных лучах. Прилагая все усилия, чтобы изобразить приветливую улыбку, Верн отстегнул от цепочки карманных часов значок ковена и передал его единственному, у кого на мундире была выгравирована эмблема песочных часов.

Тот внимательно осмотрел значок с тем же символом, что и у него, и через некоторое время проговорил:

— Это хорошо. Однако, прежде чем вы войдете, извините за вопрос, но нет ли у вас при себе чего-нибудь легковоспламеняющегося? Если да, то, боюсь, мне придется попросить вас оставить это здесь на хранение, пока вы не будете готовы уйти. Сокрытие или контрабанда подобных материалов строго запрещены законами Ковена и могут повлечь за собой суровые наказания.

Зная, что таков порядок работы всех библиотек Ковена, Верн только покачал головой, достал из многочисленных карманов пальто все необходимые предметы и разложил их на столе у представителя.

— Ничего подобного. Пожалуйста, не стесняйтесь меня трясти.

Представитель ковена указал на Верна, и один из Королевских служителей хмыкнул, после чего тщательно ощупал Верна. Кивнув, он вернулся на свое место, и представитель вернул ему эмблему, помахав рукой.

Верн застегнул эмблему, разложил все свои вещи по местам и прошел по узкому коридору рядом с несколькими клерками, после чего его взору открылся огромный читальный зал.

В огромном зале стояли ряды стеллажей, на каждом из которых лежали книги, обещающие путешествие в иной мир или в давно ушедшие времена. Толпа ученых в институтских мундирах сновала вокруг, прильнув к ветшающим книгам, в оцепенелой тишине, нарушаемой лишь тиканьем часов.

Люстры украшали потолочные секции, а каждая колонна была усыпана маленькими круглыми кусочками стекла, в которых отражалось вездесущее лавандовое сияние. На белых стенах красовались фрески, изображающие основные изобретения леннианских ученых, выполненные великолепными мазками.

На потолке висели небольшие сферические фонарики, наполнявшие помещение насыщенным аметистовым сиянием. Еще одно чудо было создано Рупертом на основе каких-то непонятных леннианских основ. Два небольших отсека были соединены между собой каким-то чудесным образом и излучали этот прекрасный свет.

“Это красиво и все такое, но фиолетовый свет не очень подходит для чтения. Впрочем, он достаточно яркий, и, возможно, это лучше, чем случайно сжечь библиотеку, используя свечу”.

Верн прищурился, глядя на маленькие дьявольские штуковины. Он спрашивал о возможности их приобретения в самых разных местах, но ничего не добился. Он подумывал о том, чтобы обратиться к руководству библиотеки с просьбой о покупке, но очередь из просителей растянулась уже на несколько месяцев. Значит, он всегда может взять его на время, верно? Без сомнения, он соберет его и вернет на место. "Да, надо взять где-нибудь в менее людном месте".

Приняв решение, Верн подошел к клерку и тихим тоном спросил дорогу к секции 307. По словам клерка, секция 307 находилась на втором этаже, а не на третьем, что было бы вполне логично. Покачав головой, он подошел к одной из лестниц и поднялся по спирали на второй этаж.

Этот этаж был похож на разветвленный лабиринт, в котором было больше полок, чем учёных. Еще один набор леннианских фресок окрасил стены в багровые тона. Арки и колонны украшали все те же шарообразные фонари и зеркала, сияние которых затмевало палящее солнце, льющееся из окон от пола до потолка.

Верн миновал множество проходов, чтобы подойти к секции 307, его шаги были быстрыми и немного бессистемными. Было бы неправдой сказать, что произошедшее его не взволновало.

То, что его преследовали теневые фигуры без всякой видимой на то причины, не могло не сказаться на его психическом состоянии. Одно дело — не чувствовать опасности из-за мер, принятых в городе, другое — оказаться в ситуации, когда он не может повлиять на исход.

Читая эту книгу, он играл на руку преступнику. Продолжая читать ее, он мог бы получить ответы на некоторые вопросы, но это означало бы еще больше втянуться в то, что готовили его преследователи или этот Ихарл Баллин.

Миновав еще одну секцию, он наконец добрался до 307-й. Еще один ряд больших старых полок, расположенных в порядке возрастания. Так что добраться до полки 23 не составило особого труда. Заваленная толстыми томами, полка, похоже, предназначалась для старых книг с большим количеством страниц и плохим переплетом.

Не обнаружив с первого взгляда никаких интересных названий, он еще раз прошелся по полке, ориентируясь на фамилии авторов на обложках, и в мгновение ока нашел виновника торжества — тоненькую в этой толстой пачке. "Записи наблюдений за субъективностью" Сайруса Л. Картрайта", — не раздумывая, Верн нашел себе тихий столик в углу у большого окна и уселся за него.

Книга выглядела древней, в переплете из выцветшей кожи, с обветшалыми и пожелтевшими страницами, но на ее поверхности было выгравировано едва заметное затейливое тиснение. Верн открыл книгу, и его встретил отчетливый запах старого пергамента и чернил, а также необычное вступление:

— Стремление к объективности является необходимым условием для установления фактов о

нашем космосе. Однако получение этих фактов зависит от акта наблюдения, а наблюдать — значит затенять реальность своим восприятием, что делает понятие объективности несколько неуловимым. Поэтому актуальным является вопрос о том, что такое объективность в контексте наблюдения.

В данном тексте, однако, не ставится задача дать амбициозное определение объективности, а, напротив, предполагается дать возможность воспринять субъективность реальности. Путь к просветлению, к тому, чтобы считать себя количественно измеримой сущностью, наблюдателем.

Он нахмурил брови, читая дальше и дальше. Заинтригованный, он отвлекся от шума и погрузился в таинственные слова.

Верн стоял на террасе, застегнув пальто на все пуговицы, чтобы не замерзнуть. Он хмурил брови, держа в руках потрепанную книгу и облокотившись на перила. Перед ним раскинулся огромный город, множество разрозненных районов, соединенных между собой металлическими мостами. Мосты, перекинутые через извилистые реки, пересекающие город, придавали этим маленьким разрозненным территориям видимость единства.

По всему городу раздавались шесть ударов курантов, когда короткие стрелки часов на самой высокой башне района Фулхэм указывали прямо вниз. Огромная махина, проглядывающая сквозь мерцающие лучи заходящего солнца, виднелась на расстоянии трех мостов.

— Это неправильно. В этом нет никакого смысла. — Верн просмотрел книгу, и фундаменталист внутри него никак не мог смириться с этой ситуацией. Он, несомненно, выдал бы ее за вымысел с большим вниманием к деталям, если бы не эта диаграмма.

Информация, содержащаяся в ней, была не просто значимой, как он надеялся. Она была граничащей с ересью, если такое вообще возможно в контексте механического искусства. Она представляла собой идею взгляда на реальность с уникальной точки зрения. На первый взгляд, в этом нет ничего примечательного, верно? Ведь у каждого человека и так есть своя уникальная точка зрения. Неверно.

Это было нечто более глубокое, более первичное. Речь шла о законах, управляющих самой реальностью, и идея заключалась в том, что человек может увидеть эти самые законы в своей собственной уникальной интерпретации, как его субъективный наблюдатель. Одно это, если бы это было реальностью, привело бы каждого фундаменталиста Примы в безумное бешенство.

Способность формировать новые школы мысли, основанные на базовой концепции, несомненно, приведет всю цивилизацию в новую эру и вызовет революционные изменения. Она была подрывной до такой степени, что заставляла Верна задумываться о смысле существования. Леннианские основы определяли реальность, но никто и никогда не находил в них чего-то похожего на субъективное наблюдение.

Однако история на этом не закончилась. Читая между строк и экстраполируя контекст, можно было понять, что при достаточном количестве субъективных наблюдателей одного ума можно изменить сами законы реальности. Верн даже не хотел думать о том, какой катастрофой это может обернуться.

Однако, несмотря на его беспокойство, необходимо было провести простой мысленный эксперимент. Предположим, что существует достаточное количество субъективных наблюдателей, которые решили понаблюдать за законами гравитации и пришли к выводу, что она должна оказывать лишь половину своей нынешней силы.

Тогда вся реальность была бы повергнута в состояние низкогравитационного хаоса. Здания и инфраструктура, не рассчитанные на такие условия, могут рухнуть или уплыть, а их фундаментальные предположения будут буквально перевернуты.

Предметы будут весить в два раза меньше, чем раньше, что нарушит множество повседневных действий — от обыденной ходьбы до приготовления пищи. Более того, деревья будут с трудом черпать воду из земли, птицам придется заново учиться летать, а приливы и отливы в океанах резко изменятся, что может привести к широкомасштабной экологической катастрофе.

Сама атмосфера Примы может начать уходить в эфир из-за уменьшения гравитационного притяжения, что поставит под угрозу все живое, каким мы его знаем. Эти и миллиарды других изменений, которые он даже не мог себе представить, произойдут просто по прихоти некоторых людей.

От этой мысли по его позвоночнику пробежали мурашки, а хмурый взгляд стал еще глубже. Одно лишь прикосновение к этому хрупкому равновесию действующих законов может в мгновение ока остановить цивилизацию или даже полностью уничтожить ее. Все это было достаточно странным, но в панику его повергла диаграмма, которую он встретил на нескольких страницах книги.

Переход от пассивного к субъективному наблюдателю не предусматривал какого-то жертвенного ритуала, как можно было бы ожидать. По-видимому, это было так просто, как понять абстрактную схему в книге. По сути, это была всего лишь картинка, напечатанная на фактурной бумаге, но смотреть на нее было сродни галлюцинациям.

Замысловатые узоры двигались и менялись на листе бумаги! Одно только это механическое искусство перемещения линий на бумаге без видимого источника энергии могло бы вызвать любопытство всех леннианских фундаменталистов. Хотя он сомневался, что это работает именно так.

А вот что заставило его задуматься о посещении психиатра, так это характер самой диаграммы. Если он сосредотачивался, то линии перестраивались в предложения, которые со временем становились все более лаконичными, все более примитивными, поскольку между ними образовывались какие-то завораживающие связи. Верн провел более пяти часов, разглядывая различные варианты этой диаграммы.

Последним гвоздем в крышку гроба, заставившим его окончательно закрыть книгу, стало то, что Верн почувствовал что-то внутри себя. Ощущение того, что он находится на грани понимания и постижения, что он видит то мимолетное озарение, которое изменит все, не покидало его сознание.

И вот тут-то Верн должен был подвести черту. Уравновешенность и стабильность мышления — вот ключ к долгосрочному прогрессу. Ощущение неизбежного постижения было навязчивым и вызывало у него тревогу.

Одно дело — принять осознанное решение и получить "просветление" по собственной воле, и совсем другое — под влиянием преследователей и книги выйти за пределы леннианских основ и, возможно, потерять голову из-за наивной глупости и поспешности.

В книге не было конкретики о рисках и последствиях, которые последуют за этим просветлением, а Верн никогда не имел привычки играть в азартные игры без необходимости.

Если бы ему пришлось обобщить эту идею просветления на основе полученной информации, то, вероятно, это было бы так же просто, как признание и понимание того, что окружающий мир может быть "субъективным" и существовать в состоянии суперпозиции, когда все возможности существуют одновременно.

Диаграмма была просто катализатором или примером, направляющим восприятие. Но чего-то не хватало. Если бы все было так просто, кто-то мог бы вывесить эту бумагу на городской площади и насильно просветить всех, кто ее увидит. Это распространилось бы быстрее чумы, и не могло быть так, чтобы что-то с таким низким барьером вхождения оставалось в тайне так долго.

Однако книга оказалась слишком короткой. Схема была всего на нескольких страницах, а все остальное — пустые страницы. Исходя из того, что он знал о наблюдении, он даже подозревал, что на самом деле они не пустые, но чтобы прочитать их, нужно быть субъективным наблюдателем.

“Это нужно как следует обдумать и провести дополнительные исследования, прежде чем я...”

Его мысли оборвались, когда две руки обхватили его сзади за грудь, передавая свое тепло его холодному телу.

— Старший брат, пожалуйста, отправляйся в ад! — воскликнул женский голос.